

К Н И Г И

Джулии Хиберлин,

опубликованные
Издательством АЗБУКА

Ночь тебя найдет
В темноте мы все одинаковы

ДЖУЛИЯ ХИБЕРЛИН

В ТЕМНОТЕ МЫ ВСЕ ОДИНАКОВЫ

РОМАН

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
X 42

Julia Heaberlin
WE ARE ALL THE SAME IN THE DARK
Copyright © 2020 by Julia Heaberlin
This edition published by arrangement
with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Елены Матвеевой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-26714-5

© Е. В. Матвеева, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Деянире Монтемайор Мартинес

*Дорогой подруге,
красавице, рожденной в другой стране,
гражданке Америки,
ангелу, посланному свыше*

*Querida amiga
Immigrante hermosa
Ciudadana estadounidense
Ángel arriba*

На могилу уходит часов восемь-десять, а потемну — и того больше. С напарником — часов пять-шесть. Все не как в кино. Лопатой не обойдешься. Нужна бензопила, корни рассекать. И кирка. Даже если камни не попадутся, так техасская глина ничуть не мягче. У меня всегда с собой рулетка и шест, потому как яма должна быть гораздо больше, чем кажется. И достаточно глубокая, чтобы ни бродяги, ни звери не учуяли запах разлагающегося трупа. Я и вниз прохожу с запасом. Так что, если хотите знать мое мнение, вряд ли дочку Брэнсона когда-нибудь найдут. В жизни не видел, чтоб кого-нибудь так искали. Обшарили каждую ферму. Каждый клочок земли вокруг озера. У копов была карта с цветной разметкой, по ней они и шли дюйм за дюймом, год за годом, пока всю местность не прочесали. И вот что я скажу: если девушку похоронили здесь, причем быстро, это сделал тот, кто хорошо знает местную почву. Может, фермер. Или тот, кто много убивал.

*Альберт Дженкинс, 66 лет, могильщик.
Фрагмент интервью из документального
телевизионного расследования*

От нее исходит очень нехорошая тайна. Чую по тому, как ноет застарелая трещина в руке, которую папаша сломал мне в детстве. А она никогда не ошибается.

Тычу носком ботинка, как зверюшку. Один глаз открывается и закрывается. Жива. Но возможно, на грани. Местное солнце так жарит, что сверчки громко молят о пощаде.

Господи, некогда мне с этим возиться!

Чертovo дерьмище. Ну почему не собака? В зеркале заднего вида выглядела точно как сбитый пес. Я потому и развернулся. Нет, сперва-то Господь сказал мне: «Стой!» — а потом уж я в зеркале заметил, что прямо за колючей проволокой что-то лежит.

Я уже все продумал. Пса выхожу. Займет пустое место рядом, на котором пыхтел и радостно скалился Ченс, пока три месяца назад у него не выросла шишка на шее.

А тут такое. Загадочная девчонка с блестящими волосами. Вылитый пустынный ангел с подрезанными крыльями. Ей лет двенадцать-тринадцать. Десять. Черт, не разберешь. Малолетки нынче выглядят на пятнадцать, хотя я бы дал одиннадцать.

Лежит голыми ногами на прокаленной земле, в нескольких шагах от ограды из колючей проволоки, а по шоссе проносятся большегрузы, обдавая все вокруг волной жара. Губы алые, как у Белоснежки. На глазу шарфик с золотыми блестками, будто ей сделала перевязку принцесса. А может, она и *есть* принцесса. Или обычная девчонка, у которой не было с собой бинта.

Да, третья кружка пива за обедом явно была лишней.

Позади только выжженное солнцем пастбище. Крови на девчонке вроде нет. Уж точно не через колючку перелезла. Я здоровый мужик, так и то слюнявлю ранку на пальце. Нет, она явилась с того поля, будто из ниоткуда, по воле моего старого приятеля Господа Бога.

Он вручил ее судьбу мне в руки. Короткое платье промокло от пота. Руки раскинуты над головой. На щеке и в прорехе на плече — синяки. И такая тощая! Станет пихаться локтями и коленками, я и не почувствую.

Неожиданно ее грудь вздымается и опускается, как у загнанного оленя. Все-таки скорее живая, чем мертвая. Она открывает глаз, который без шарфа, и снова крепко зажимуривается. Там, в крошечной внутренней темноте, решаются вопросы жизни и смерти. *Как лучше умереть? Изжариться на солнце и пойти на завтрак птицам? Или погибнуть от рук какого-то водилы?*

Волосы дыбом. Я не дурак. Знаю кучу доводов против. Девчонок используют как приманку. Впрочем, эта техасская дорога — сплошное голубое небо и земля, раскатанная в блин. Только что слышал, как

один водила в придорожной закусочной доказывал другому, мол, местность тут гладкая, что столешница, значит Земля плоская и Дональд Трамп на самом деле строит стену, чтобы мы все не свалились в тартарары, хотя официально и утверждает, что против мигрантов.

Окидываю взглядом округу. Кроме нас — ни души.

Подхожу ближе. Моя тень накрывает девчонку.

Она резко привстает, собрав все силы.

Несмотря на блестящий шарф на глазу, теперь ей видна вся картина.

Амбал. С огромным грузовиком, в котором можно спрятать что угодно. А от пребывания за решеткой, даже совсем недолгого, не отмоешься.

«Здравомыслие и счастье — невозможное сочетание», — написано на бумажке, которую моя сестра, Труманелл, прилепила мне на руль. Труманелл сейчас увлекается Марком Твенем. Вечно обклеивает мне грузовик всякой жизнеутверждающей и духоподъемной хренью, чтобы не скучал в рейсе.

Девчонка не произносит ни слова. Не просит воды. Ничего. Солнце бликует на чертовом шарфике, так что лицо толком не разглядишь.

Срываю шарфик. Рот девчонки разверзается, подобно разлому в земле. Мимо проносится фура, заглушая крик. Так вот что скрывала повязка.

2

Один глаз сияет, как изумруд. Веко второго почти сомкнулось над ввалившейся глазницей, открываться там нечему. Я знаю, что это значит.

Папаша лишился глаза в детстве. В зависимости от настроения носил то повязку, то дешевый искусственный глаз, который выглядел так, будто его вырвали у кареглазого плюшевого медведя, жившего своей жизнью. С папашей было невозможно чувствовать себя в безопасности, а тем более — жить своей жизнью. В возрасте восьми лет я пошутил на эту тему. Очень опрометчиво, так как папаша услышал.

Он любил напоминать нам с Труманелл, что большинство пиратов носили повязку не потому, что глаза не было, а чтобы приучиться вести бой на корабле и убивать противника непроглядной ночью. Так он давал нам понять, что прекрасно ориентируется в темноте.

Девчонкин глаз — доказательство, что Господь снова испытывает меня, это своего рода знамение.

Надо стараться смотреть на другую половину ее лица, где сияет «изумруд», полный ужаса.

— У меня отец без глаза был, — замечаю я небрежно. — Тут у многих чего-нибудь нет. Пальцев. Руки целиком, ноги. Сельхозтехника, война, хлопушки — оторвет что-нибудь, ну и живешь себе дальше. Здесь всем все равно. Папаша говорил, что жизнь с одним глазом закалила его дух.

На самом деле он утверждал, что, если пялиться в его «игрушечный» глаз, ослепнешь.

Я говорю, а в голове звучит голос Труманелл: «Не трогай. Ни в коем случае. На тебя перейдет». Законы непрухи мы знаем назубок, а от девчонки так и веет этой заразой. Она подхватила ее от кого-то. Как бациллу, которая перескакивает с одного человека на другого в поисках смертельной раны, а если таковой нет, довольствуется тем, что попадется.

Еще не поздно уйти.

Здоровый глаз посверкивает, словно изумруд, источающий волшебную силу. В нем читается, что девчонка лучше рискнет и пойдет со здоровенным водилой, чем останется одна в вотчине гремучих змей и ястребов.

— Меня зовут Уайатт, — говорю я. — А тебя я буду называть Энджел¹, если не возражаешь. Подходящее имя. Твои волосы блестят. И руки у тебя были раскинуты так, будто ты хотела сделать «снежного ангела» в пыли. Ты правда этого хотела? — Я шучу, пытаюсь успокоить девчонку, чтобы без лишнего шума затащить ее в машину.

В ответ ни слова, ни тени улыбки. Черт, она, может, ни одной снежинки в жизни не видала. Детишки

¹ От *англ.* angel (ангел). — Здесь и далее примеч. перев.

в западном Техасе, бывает, и под дождик-то впервые попадают лет в пять.

Протянутую бутылку девчонка хватает и так жадно из нее пьет, что поперхивается. Жду, пока она откашляется, и сую ей кусок вяленой говядины, которым хотел приманить чертова пса.

Холодок снова пробирает руку. Стараюсь унять дрожь. В траве лежит еще кое-что, чего я сперва не разглядел.

Одуванчиков я не боюсь. Просто у меня с ними связана одна история. Девчонка аккуратно обложилась одуванчиками по кругу, как делают в сказках, защищаясь от нечистой силы. Ну или кто-то украсил ее будущую могилу, прежде чем бросить на обочине.

Возле ног девчонки охапка облетевших одуванчиков, уже подвявших на солнце. Опускаюсь на колени и пересчитываю их. Семнадцать загаданных желаний. Мой рекорд в нашем поле в наихудший день — пятьдесят три, только желание я загадывал всегда одно, самое заветное.

Да кто знает, о чем думает эта девчонка. Чего желает. Я знаю лишь, что стою одной ногой в ее одуванчиковой «могиле», и мне от этого не по себе.

Труманелл затевала игры с полевыми цветами, когда мы прятались в поле за домом. Отвлекала меня сказками, чтобы я не бросился с карманным ножиком на папашу, который чуть ли не каждый день бахвалился, что он вправе прихлопнуть нас, как комаров.

Труманелл называла люпины осколками неба. Щекотала меня метелочками кастиллеи, говоря, мол, это индейские дети-призраки на закате раскрывают

их лепестки в оранжевый и желтый цвета. А стебли кукурузы — это стражи, которые охраняют нас ночью в поле. Ну и прочую подобную чепуху.

Я с десяти лет знал, что вся эта волшебная хрень — враки.

Кусочки разбившегося небосвода? Осколки сделаны не из красивых цветочков. А из стекла.

Но я привык прислушиваться ко всему, что подсказывает рука. И сейчас она говорит: «Уходи. Не то загремишь в тюрьгу, хотя, может, там тебе и место».

Девчонка напоминает мне Труманелл. Она испытала такое, чего девочки испытывать не должны. Это читается в широко распахнутом зеленом глазу, которому приходится нести двойную нагрузку. Все еще надеется найти свой осколочек неба. И верит в магические круги: а вдруг сработает?

Хватит колебаться. На все Твоя воля, Господи. Я ступаю в круг из одуванчиков и подхватываю девчонку на руки. Она обмякает, как спящий ребенок, и роняет голову на грудь. *Не забывай*, что она *и есть* ребенок.

Сестрица умудряется нудеть над ухом даже из дома в пятнадцати милях отсюда, параллельно моя посуду или читая одну из своих книг.

На полпути к машине девчонка медленно поднимает голову. Открывает алые губы. Язык воспален докрасна, поэтому я не ожидаю подвоха. Не замечаю, что у нее в руке. А она подносит к губам одуванчик и дует на него что есть мочи. Мне будто чихают пушинками прямо в лицо. Они попадают в нос, застревают в ресницах.

Наверняка это предупреждение, что она общается с высшими силами.

Зря потратила желание, дорогуша.

Господь слышит нас с тобой все время, а посмотри, где мы.

Открываю дверцу кабины, чтобы положить девчонку, и оттуда вылетает бумажка с цитатой от Труманелл, изречение какой-то ирландской старушки-писательницы.

«Судьба не парит, как орел, а шныряет, как крыса»¹.

Я отъезжаю, а в зеркале видно, как бумажка, вспорхнув, застревает в колючей проволоке.

¹ Высказывание Элизабет Боуэн (1899–1973), англо-ирландской писательницы, автора романов, сборников рассказов, эссе.

На крыльце виднеется силуэт Труманелл. Ждет нас. Девчонка снова безжизненно обмякла в моих руках; на шее сверкает золотистый шарф. В лучах пылающего солнца кажется, что она охвачена огнем. Глаза закрыты, так что и не скажешь, что с ними что-то не так.

Бабулин силуэт на крыльце служил верным знаком, что опасность миновала и можно возвращаться домой из поля. Но потом бабуля Пэт умерла, и все хозяйство легло на плечи Труманелл. Ей было десять.

Труманелл придерживает мне дверь, и я будто слышу, как в голове у нее тикает: «Откуда она? Почему не вызвал копов?» От беспокойства нежно-бархатистое лицо Труманелл идет мелкими морщинками точно так же, как когда она смотрела на меня сквозь прутья кровати, которую смастерил папаша. Это было за четыре дня до ее пятилетия, значит мне только-только исполнилось два и мы оба были совсем крохами.

Труманелл тогда вскарабкалась на кровать и успела зажать мне уши потными ладошками. Я услышал крик, но приглушенный, будто из плотно закрытого шкафа. По словам Труманелл, в тот день отец убил нашу мать. Ее кремировали без вскрытия. Труманелл всегда старалась отвести от меня беду руками.

Это они, ее руки, подсадили меня на сеновал, так что мои красные кроссовки в последний момент исчезли с последней ступеньки незамеченными. Ее руки чуть не выбили дух из страуса, который забежал с соседней фермы, разорвал нашего щенка и погнался за мной.

Они же пришили к шторам потайные карманы, чтобы хранить все доступное нам оружие.

Столовый нож, пистолет, вязальная спица, баллончик лизола. Я знал: Труманелл не допустит, чтобы мой тайник пустовал. Всякий раз, как я засовывал в него руку, там что-то было. Папаша иногда бил нас. Но чаще издевался морально.

Смекалка служила Труманелл дополнительным орудием. В девяти случаях из десяти ей удавалось перехитрить папашу. *Умница моя*. Так он называл ее после бутылки виски. Он дал ей имя одновременно и женское, и мужское, чтобы каждый день напоминать, что хотел еще одного сына, продолжателя рода. Я втайне звал ее Тру¹, потому что такой она и была — настоящей.

Заношу Энджел в комнату, а Труманелл на ходу кладет свою волшебную ладонь ей на лоб. Проверяет, жива ли. Вдох — Энджел или мой — прокатывается по телу. Будто то было прикосновение самой Богоматери, подобное прохладной живительной влаге, врачующее любую боль. И ты покачиваешься на волнах: вода мягко оmyвает тебя со всех сторон, рыбки щеко-чут ступни, а солнце ласково греет лицо.

Кладу неподвижную Энджел на диван. Ее глаза по-прежнему закрыты. На обратной стороне левой подушки под ее головой — застарелое пятно крови,

¹ Созвучно *англ. true* — истина, реальность.

из-за которого шесть розовых цветков побурели, будто исключительно для них настала зима. Благодаря Труманелл дом сверкает чистотой, лишь эта подушка лежит на том же месте и не дает забыть о том страшном дне.

— Я называю ее Энджел, — говорю я.

— А вот и зря, — шепчет Труманелл.

Девчонка резко открывает глаза и тут же снова закрывает. Воздух будто наэлектризован ее страхом. Молодец, что не доверяет мне, сыну лжеца, такому же, как папаша, если не хуже.

В волосах застряли комочки земли и пушинки одуванчика. Солнце подсвечивает розовым загнувшуюся прядь. Лиловый лак на ногтях почти облез.

Увидь она Труманелл — сразу бы успокоилась. Меня пусть хоть чертом считает, но Труманелл — хрупкая кареглазая шатенка, писаная красавица, ангел во плоти.

Сестра заправляет прядь волос за ухо. Признак, что она сильно нервничает.

И это я еще не говорил, что Энджел одноглазая, как папаша, не рассказал про круг из одуванчиков, про подсказки руки и непруху, которой девчонкадохнула на меня, как дымом от сигарет.

Лайла с темной челкой, шелковистой, как кукурузные рыльца, и скорбно поджатым ртом глядит на нас с портрета на стене. Папаша твердил нам, что один глаз у Лайлы — всевидящий. Мы видели, как она переводит взгляд. Я и сейчас вижу.

Не важно, что я уже взрослый и понимаю, что Лайла «оживает» благодаря углу зрения и игре света и тени и что папаша тщательно выстраивал обман. По его рассказам, Лайла — наша семнадцатилетняя

кузина, которая в самый сочельник повесилась на алой ленте на дереве у старой психбольницы близ Уичито-Фолс¹.

Каждый год 24 декабря папаша отвозил нас к тому дереву. Причем Труманелл непременно должна была повязать волосы алой лентой от свертка, который папаша клал на ее место за кухонным столом. Внутри всегда оказывалось что-нибудь ценное. Розовый кашемировый свитер, большой флакончик духов «Гуччи-Гилти»², сотовый телефон.

Труманелл смотрела снизу, а мне папаша приказывал залезть на дерево и завязать ленту петлей на самой высокой ветке. «Ваша жизнь — тонкая ленточка, которую я запросто оборву», — говорил он при этом.

Труманелл сидит на полу, по-детски скрестив ноги, и скручивает пальцем невидимый локон в плотный жгут. Папаша заставлял Труманелл собирать волосы в зализанный пучок. Однажды в четвертом классе он залепил ей выбившуюся прядь ошметком арахисового масла и велел так идти в школу.

Нелли — с маслом бутерброд нам варенья не дает и поэтому умрет. Так дразнили ее мальчишки на спортплощадке, а в средних классах школы продолжали всячески дразнить за округлости, которые она не разрешала лапать.

В итоге Труманелл только выиграла. Парням она нравилась.

Эта прическа ей очень шла. Труманелл украшала пучок цветами и стразами, которые достались ей от бабули Пэт. Все девочки в школе начали собирать

¹ Уичито-Фолс — город в штате Техас.

² Парфюмерная вода с цветочным ароматом, выпущенная известным итальянским Домом моды «Гуччи».

волосы в пучок, хотя никто из телезвезд такую прическу не носил. Вот как сильно все хотели походить на Тру, вот какой популярной она была.

Труманелл сейчас настоящая красавица: склонилась заботливо над Энджел, а волосы свободно спадают на лицо и плечи. Вот бы ей во всем такую же свободу. Не приходилось бы пересказывать, что происходит снаружи. Было бы так здорово ездить вместе на грузовике. Уж она бы не позволила мне подбирать то, что не следует. Но нет, старшая сестренка говорит, что будет ждать меня дома. Мы оба знаем, что на самом деле она ждет папашу. Десять лет, как все пошло наперекосяк. Значит, сейчас ей двадцать девять. А выглядит по-прежнему на девятнадцать.

На ногах с шести утра до восьми вечера — в таком ритме она сейчас живет. Встает с рассветом, убирается там, где и так чисто, бродит по саду, собирает персики, напевает то Пэтси Клайн¹, то Бейонсе² и говорит, что все равно все будет хорошо.

Только Труманелл считает, что мою душу еще можно спасти. А я больше чем уверен, что нет. У нас с Господом Богом уговор. Наши беседы и испытания, которые Он мне посылает, — лишь способ скоротать время. Этот большой белый дом — мое чистилище.

Иногда я шутя спрашиваю Труманелл, мол, может, не ходить больше в рейсы, а устроить в доме музей? Она бы сидела на крылечке и продавала сладкий чай со льдом и бабулиным сахарно-коричным печеньем в пищевой пленке.

¹ *Пэтси Клайн* (Вирджиния Паттерсон Хенсли, 1932–1963) — легендарная американская кантри-певица, автор песен.

² *Бейонсе* (Бейонсе Жизель Ноулз-Картер, р. 1981) — современная американская певица в стиле R'n'B, композитор, продюсер, танцовщица.

Хиберлин Дж.

Х 42 В темноте мы все одинаковы : роман / Джулия Хиберлин ; пер. с англ. Е. Матвеевой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 416 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-26714-5

Десять лет назад Труманелл Брэнсон бесследно исчезла, оставив после себя лишь кровавый отпечаток ладони на дверном косяке. Все в городке убеждены, что виноват ее старший брат Уайатт, хотя подозрения полиции на его счет не подтвердились. Однажды на обочине дороги, у поля, он находит девочку-подростка: немая, с розовым в блестках шарфиком, прикрывающим пустую глазницу, та «аккуратно обложилась одуванчиками по кругу, как делают в сказках, защищаясь от нечистой силы», и кого-то очень боится. Одетта Такер, самая молодая из местных полицейских, уверена, что сумеет и помочь найденншю, получившему прозвище Энджел (Ангел), и наконец раскрыть тайну случившегося той ночью, когда исчезла Труманелл, подруга ее детства, — ночью, когда все изменилось...

Впервые на русском — новейший психотриллер Джулии Хиберлин, автора международных бестселлеров, переведенных на 20 языков. На основе романа компания *Sister Pictures* уже готовится снимать сериал.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ДЖУЛИЯ ХИБЕРЛИН
В ТЕМНОТЕ МЫ ВСЕ ОДИНАКОВЫ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Екатерина Доброхотова-Майкова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Светлана Федорова, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 09.12.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 25,48. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

Y-RBD-35707-01-R